

# ЗАМЕТКИ О НИЖНЕ-КОЛЫМСКЕ

(Статья действ. чл. Отдела А.Трифонов).

В первой половине XVII-го века пришла на Колыму на судах, по Ледовитому морю, партия русских казаков, под начальством казака Михаила Стадухина. Казаки нашли здесь разные дикие племена: омоков, чуванцев, юкагир и проч.<sup>1</sup> Казаки скоро успели привязать к себе этих дикарей своею ловкостью, и умением обращаться с ними. Они обложили их яском и некоторых крестили. В 1644 году, казаки выстроили на одном из островов р. Колымы, при протоке её, деревянный острог, — «обострожились», и в остроге часовню. Острог был назван Нижнеколымским. В половине семисотых годов он, по неудобству местоположения, перенесён с острова за тридцать вёрст выше, на левый берег р. Колымы; здесь Нижнеколымск находится и ныне.

Оставленный острог и до сих пор называется «Стадухиным», по имени основателя острога, а проток, отделяющий остров от материка «Староострожным». На острове и по настоящее время видны следы строений; сохранился даже тёс (доски), приготовленный, вероятно, для постройки; он лежит в куче и никем не трогается, как ни на что негодный по ветхости. Замечательны на этом острове две, едва заметные могилы; в одной погребён политический преступник барон Менгден, сослуживец Остермана, сосланный Елизаветой Петровной в Колымский острог в 1742 году; в другой, по рассказам нижнеколымцев, какой-то монах. Как звали этого монаха, откуда он, нижнеколымцы ничего не знают; но они рассказывают, что будто бы видят его пред появлением эпидемии, сначала во сне, а потом наяву, в ночное время, молящимся на крыльце Нижнеколымской церкви, и что над могилою его в прежние годы многие из тамошних жителей служили панихиды. По всей вероятности, это тот самый иеромонах Феофил, который находился в Нижнеколымске с 1735 года, проповедуя Св. Евангелие и исправляя требы в то время, когда в нём не было ещё священника, и здесь умер. Иеромонах принадлежал к экспедиции лейтенанта Лаптева. Из скудного архива Нижнеколымского края я не мог приобрести никакого сведения об этом монахе, потому что все интересные дела до 1800 г. сгорели, а о житье-

---

<sup>1</sup> См. особое приложение в конце статьи.

быть барона Менгдена в Нижнеколымске я нашёл только один полулист, на котором почерком семисотых годов написано следующее: «1781 г., августа 21 дня, на спрашивание Сотника Кондакова, мещанин Фёдор Шергин показал: бывшего барона Менгдена могилу раскапывал, обще по призыву присыльного Максима Козлова; раскопав, с барона Менгдена и с гроба сняли обитую китайку, налощённую, цвету чёрного, шубу голевую, цветом мазуревую, мех горнастолей, с ног прошвы, а с дочери оного барона сняли из лопатного<sup>1</sup>: плат шёлковый, да сверх того, с трёх лопатин по частям выдирали лоскутья. Сверх выше пояснённого, как от серебра, золота, так и от других вещей ничего не брали и на них не силились, в чём показал самую истинную правду по присягаемой своей должности мещанин Фёдор Шергин». Далее (в этом же полулисте), соучастник Шергина Козлов «казённых работ служитель», сознаётся в преступлении и объявляет, что доставшаяся на его долю часть краденного, закопанная в землю, хранится в целости. Нижнеколымские старожилы уверяют, что этот клад сохранялся до сего времени.

До 1747 года богослужение в Нижнеколымской часовне отправляли грамотные простолюдины; они же крестили и инородцев<sup>2</sup>. Часовня существовала около ста лет и сгорела от лесных пожаров (палов); вместо неё, с 1779 года, была построена деревянная церковь, существующая и поныне; деньги на содержание церкви, равно и утварь, поступили от упразднённой пред тем Анадырской церкви и от прежней Нижнеколымской часовни.

Нынешний Нижнеколымске — самое северное из русских поселений Колымского округа. Он лежит под  $68^{\circ} 31' 53''$  с.ш. и  $160^{\circ} 56' 30''$  в.д. от Гринвича. От Нижнеколымска считается, приблизительно, до Ледовитого моря 120 вёрст, до Якутска 2600, а до Петербурга с лишком 11 тыс. вёрст.

Климат Нижнеколымска очень суров; морозы доходят до  $45^{\circ} R$ ; средняя годовая температура  $9,07^{\circ} R$ <sup>3</sup>. Летом дуют продолжительные и сильные ветры: западный, восточный, юго-восточный и южный. Западный ветер приносит снег, дождь, и продолжается иногда более недели; снег и пурга при этом ветре бывают иногда так сильны, что буквально

---

<sup>1</sup> Лопатное (пермско-сибир.) — относящееся к (верхней) одежде, обычно богатой; лопоть — одежда. (Даль, II, 690). — прим. OCR.

<sup>2</sup> До сих пор ещё сохранилась у жителей побережья Ледовитого моря страсть крестить язычников.

<sup>3</sup> К.К. Нейман «Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области. «Известия», т. III. № 1. стр. 36.

нельзя пройти двух шагов по улице. Восточный ветер, равняясь силой западному, производит большие *заструги* (отвесные возвышения из снега) и *убой* (снег, твёрдый как лёд). Юго-восточный и южный ветер, иначе называется тёплым; зимой, при этом ветре, у путников отсыревает дорожное платье, а в амбарах и погребах тает рыба. Летом тёплый ветер наносит целые тучи комаров, от которых в Нижнеколымске, в самый ясный день, приходится сидеть в комнатах с дымокурором.

С 9 Мая по 8 июля солнце не скрывается за горизонт: оно ходит в круговую; нет ни восхода, ни заката солнца, утро, день и вечер без ночи. С 20 июля, одна за одной, делаются видимыми первые звёзды. Ночи и в это время бывают короткие и светлые: не успеет потухнуть вечерняя заря, как уже появляется утренняя. С 20 же июля начинаются инеи; сырые невода по утрам обмерзают. Зимой, с 25 ноября по 25 декабря, солнце вовсе не появляется; ночи озаряются яркою луной и северным сиянием-сполохами: «Сполох играет», говорят о нём местные жители<sup>1</sup>. Северное сияние до такой степени обыкновенно в Нижнеколымске в продолжении всей зимы и до того пригляделось жителям, что они не обращают на него внимания.

Река Колыма покрывается льдом большею частью 24 Сентября, а вскрывается между 27 мая и 10 июня, и очень редко ранее.

Город построен на низменном месте и потому ежегодно затопляется при весенних разливах Колымы. Жители спасаются тогда на крышах домов; но и крыши нередко сносятся наводнением. В городе находится не более трёх десятков старых полуразвалившихся домов, или, вернее, лачуг, разбросанных без всякого порядка. Лачуги эти покрыты дёрном и древесной корой; в окна, вместо стёкол, вмазывается летом бумага, налимья кожа и иногда слюда, а зимой вставляется ледяная пластина. Деревянный камин, смазанный глиною, составляет необходимую принадлежность каждого дома. Зимой его топят до пяти и более раз в день; отчего в домах тепло и воздух, часто освежаемый, здоров. Домах в трёх имеются пекарные печи.

Кроме жилых строений, в городе есть деревянная церковь, хлебный запасный магазин, экономический магазин с рыбой для народного продовольствия, пороховой подвал и соляная стойка. Казённое имущество, как то: запасный хлеб, экономическая рыба, порох и соль, находящиесяся

---

<sup>1</sup> В некоторых местностях Россия и теперь ещё говорят, «бить в сполох», вместо; бить в набат, в случае пожара. — Ред.

в магазинах, охраняются станочными казаками и расходуются избранными от общества зрителями магазинов и соляным сидельцем, под наблюдением частного командира. Так называется должностное лицо, которое назначается потому, что окружное начальство, за отдалённостью (500 вёрст) не может иметь постоянного надзора за Нижнеколымском и непосредственно исполнять здесь распоряжения высшего начальства. Частный командир избирается большей частью из Якутских нижних казачьих чинов; ему вверяется полицейское управление, т.е. он обязан взыскивать подати и недоимки, представлять окружному начальству разные отчёты по Нижнеколымскому краю, как то: о продаже хлеба, соли, пороха и т.п., публиковать распоряжения высшего начальства и проч.; но он не имеет права произвести следствий.

Трудно определить постоянное число жителей Нижнеколымска: он более обитаем в феврале, марте и в начале апреля, т.е. во время приезда из Якутска купцов, которые оттуда отъезжают на Чукотскую ярмарку. Летом все нижнеколымцы проживают по разным рыболовным местам, называемым заимками; в городе остаются только два семейства духовных лиц и частный командир.

Коренное население Нижнеколымска составляют: духовные лица, станичные казаки, мещане, крестьяне и инородцы, по большей части якуты. Нижнеколымские якуты совершенно обрусели. Ни один из них не знает ни одного якутского слова. Самая физиономия их не подаёт ни малейшего повода заключать о происхождении их от якутов, — вероятно потому, что нижнеколымские якуты с давних времён вступают в брак с русскими. — Во всём остальном они также нисколько не отличаются от прочих нижнеколымских жителей. Одежда и образ жизни совершенно одинаковы, как у нижнеколымских якутов, так и у мещан, казаков и крестьян. Все нижнеколымские жители, — исключая двух-трёх семейств, которые имеют рабочих, — ведут жизнь кочевую: в одном месте веснуют, в другом летуют, в третьем зимуют.

Все коренные жители Нижнеколымска картавят: буквы *р* и *л* переменяют на *и*, *ю*, *е*, *ё*, *я*; *т* на *ч*. Так, вместо *рыба*, *ром*, *люди*, *ладно*, *тело*, *телёнок*, у них выходит: *иба*, *ём*, *юди*, *ядно*, *чеё*, *чеёнок*. Вот две-три фразы нижнеколымского разговора: «*Я с бьятом вчая ездий за дьёвами*», — «*Мы тепей тойко пьехали с ибою*». — «*Я завтья поеду к мою*». (Я с братом вчера ездил за дровами; мы теперь только приехали с рыбою; я завтра поеду к морю).

Не только в городе, но и во всём Нижнеколымском крае, замечается полное отсутствие грамотности<sup>1</sup>. Нет ни одной школы. Местное начальство и священники относятся к этому делу с полным равнодушием; до сих пор они не сделали ни одного шага к образованию народа. Всё занятие детей нижнеколымцев состоит в том, чтобы с утра до вечера, в буквальном смысле, гонять собак; неприличную брань они употребляют на каждом шагу. Понятно, какие плоды происходят от такого воспитания, и для нравственного, и для умственного развития населения: невежество и грубейшие пороки — отличительная черта местных жителей. Почта получается три раза в год; читать положительно нечего; нет ни книг, ни журналов, ни газет.

Естественно, что, при общем невежестве, самые простые явления приписываются колдовству и вообще сверхъестественным силам. Колдуны играют большую роль в Нижнеколымске; их боятся — они могут вселить в человека «порчу»; каждое их слово принимается за несомненную истину; при каждой неудаче бегут к ним за помощью, как душевным и телесным своим врачам. Поэтому многие из тамошних жителей стараются, при каждом удобном случае, прослыть в народе колдунами. Тот, кто успел заслужить это название, старается упрочить его и за сыном своим, если только имеет сына. Перед смертью колдун призывает к себе сына, какого бы он ни был возраста, лишь бы мог понимать сказанное. «Ну, Ванька, — говорит отец, — будь таким же, каким был твой чача (тятя, отец)» — и, показывая на свою голову, продолжает — «я передаю тебе всё, что у меня здесь». После этого народ смотрит на Ваньку, как уже на колдуна. Чуть только Ванька покажет каким-нибудь фокусом что-нибудь похожее на колдовство, народ с удивлением поговаривает: «О, ребята, Ванька-то весь-таки в чачу-то...»

В старину у жителей Нижнеколымска существовал обычай — давать человеку, кроме имени, наречённого при крещении, ещё другое имя, произвольное. Человек, например, при крещении был назван Петром, а его все звали Иваном; последнее имя, было усвоено ему родителями со дня крещения, и он всем был известен только под этим именем; настоящее имя, Пётр, оставалось семейною тайной. Это делалось для того, чтобы избавить человека от порчи. Если колдун захочет испортить человека, известного под именем Ивана, то он напускает ворчу на Ивана, но порча должна миновать его, потому, что он не Иван, а Пётр; порча же

---

<sup>1</sup> Во всём крае г. Нейман, на 2000 человек жителей, нашёл только 4-х грамотных. — Ред.

преследует какого-нибудь действительного Ивана. В 1860 году мне довелось встретить в Нижнеколымске только трёх старожилов, которые имели по два имени. Со смертью их, по всей вероятности, обычай этот совсем исчезнет<sup>1</sup>. Кроме двуименности, как средства избежать порчи, у каждого без исключений нижнеколымского жителя, есть ещё особое, уличное прозвание: того зовут *ушканом* (зайцем), другого *телёнком*, третьего *красным*, четвёртого *сухоньким*. Каждый такой эпитет составляет черту характеристики или физиономики субъекта. Подобные уличные названия слышатся там на каждом шагу; имя же, данное при крещении, употребляется очень редко, и то в виде полуимени: вместо Иван говорят Ванька, вместо Фёдор, — Федька и т.д.

В каждом доме найдёте на печи, камине или окне, небольшую ржаную булочку с углублением наверху, в которое насыпана соль: это угощение «соседке» (домовому). Потеря какой-нибудь мелкой вещицы, ключей, ножа и т.п., приписывается оскорблению или шутке домового; в этих случаях сейчас обращается внимание на то, есть-ли у соседки булочка. Если нет, или есть, да засохла, то немедленно пекут новую и ставят её на известное место с приговором, вроде следующего: «Соседушко, соседушко хорошенький, добренький соседушко, не сердись, не шути, отдай мне ключи (или что другое), вот тебе булочка».

Обыкновенно «наряжаться» на святках не чужд и нижнеколымский житель. Костюм маскированного составляет какая-нибудь тёплая местная одежда, надеваемая большею частью навыворот. Главная задача маскированных — молчать и посмотреть, что делается у других.

Нижнеколымские жители большие охотники до «вечеринок», на которых забавляются играми, пением и русской пляской, при звуках скрипки, балалайки, и особенно духового инструмента своего рода, — костяного гребня с бумажной пластинкой на зубьях, — аккомпанементом припеваний, насвистываний и прищелкиваний. — По краткости своего пребывания в Нижнеколымске, я успел записать только одну местную песню, — «Виноградье», которую поют на святках, большею частью, женщины. Приходящие, не входя в дом, спрашивают за дверями: «дома ли хозяин или хозяйка»? После ответа «дома» начинают петь:

Прикажи сударе, хозяин, виноградье спеть,  
Виноградье красно-зелёное.

---

<sup>1</sup> По словам г. Неймана, он существует и теперь. — Ред.

После ответа: «пойте,» или «можно» продолжают:

А мы ходим, ребята виноградщики.  
Виноградье, красно-зелёное<sup>1</sup>.  
А мы ищем, поищем господинов двор.  
Господинов-то дворе на семидесяти верстах, на семи столбах.  
Вокруг этого двора зелёный тын.  
Как на всякой тычинке по маковке;  
Что по маковке; по земчужинке.  
Хозяин-то во дому, как Адам во раю;  
Хозяйка-то во дому, как пчёлочка в меду;  
Малы детушки, как часты звёздушки.  
Нас хозяин-то дарил золотой гривной.  
Нас хозяйка-то дарила золотым перстнем.  
Малы детушки дарили алым бархатом.  
А мы гривну-то возьмём, да на молебен снесём.  
Мы перстень-то возьмём, да на вино пропьём.  
Мы бархат-то возьмём, да пополам разделим.  
Наши губки зудят, пирожка есть хотят.  
У нас перчаточки тоненьки, — у нас ручки забыть (зябнуть).  
У нас башмачки тоненьки, у нас ножки забыть.  
У нас шапочки голеньки, у нас ушки забыть.  
У нас кофточки коротки, мы все продрогли.  
Хозяин, хозяин пошевеливайся.  
Хозяйка, хозяйка поворачивайся.  
Коляда, коляда, подавай пирога.  
Не подашь пирога, отворяй ворота.

Если «виноградщики» на вопрос, дома ли хозяева, получают отрицательный ответ, то поют:

Пришли мы, пришли к добру господину.  
Виноградье красно-зелёное.  
Добра господина дома не случилось.  
Хозяина звали пир — пировати.  
Хозяйку звали стол — столовати.  
Дочь-то звали на игрище — играти.  
Сына-то звали на стрельбище — стреляти.

---

<sup>1</sup> Припев этот повторяется после каждого стиха.

## Виноградье красно-зелёное<sup>1</sup>.

Нижнеколымцы вообще охотники до гаданья на святках: падают на снег, морозят воду в ложках, подслушивают у дверей или окон разговоры, слушают на улице и т.п. Если фигура на снегу, через ночь, окажется без руки или головы, а замёрзнувшая вода в ложке с впадинкой, то гадателю предстоит смерть, стук топором о дерево во время слушания на дворе предвещает тоже смерть (гроб); лай собаки вдали, — жёниха или невесту с той стороны, и т.п.

С появлением первого снега, большей частью с 1-го сентября, начинается в Нижнеколымске езда на собаках, которая продолжается до последних чисел мая<sup>2</sup>. 10-12 собак составляют нарту, на которой возят до 30 и более пудов тяжести, нарта в 12-ть собак, по расчёту прогонов, полагается за одну лошадь. На бойких, лёгких собаках, выезжают, без тяжести, 20 вёрст в час. Ездовая собака ценится от 2 до 10 руб.<sup>3</sup>. Езда на собаках чрезвычайно утомительна: седок, и в особенности каюр (кучер), часто должны бежать подле нарты, поддерживая её, и пешком подниматься почти на каждую возвышенность; а сидя на нарте, они, чтоб не опрокинуться, постоянно принимают разные утомительные позы, то на ту, то на другую сторону. Кроме того, езда эта крайне отвратительна для обоняния; причиною этому — отрыжка и испражнение сытых собак. Ездоки, пока обоняние их не свыкнется с этими ароматами, подвергаются головокружению, тошноте и рвоте.

Несмотря на отдалённость Нижнеколымска от окружного города (500 вёрст), в нём нет даже лекарского ученика и хотя бы небольшой аптеки; подать нижнеколымцам руку помощи в медицинском отношении совершенно некому; окружный лекарь может приезжать в Нижнеколымск лишь во время эпидемий, и то как придётся, смотря по местным условиям. Поэтому у нижнеколымцев лекаря всегда заменяют колдуны, а медицинские средства — шарлатанские снадобья, суеверия и предрассудки.

Если кто-нибудь почувствует сильную боль в животе (колику), то говорят, что он «пуп сорвал», и принимаются «править пуп»: больного кладут в постель, в тёплом месте; смачивают живот тёплой водой и

---

<sup>1</sup> Как видно, песня эта не туземная, а занесённая русскими.

<sup>2</sup> Нижнеколымская пословица говорит: «К Семёнову дню готовь нарту». — Примеч. К.К. Неймана.

<sup>3</sup> Первая собака. по замечанию г. Неймана. стоит до 5 рублей. — Ред.



натирают его мылом до тех пор, пока больной не почувствует облегчения.

Между женщинами сильно развита особая болезнь, сопровождаемая довольно странными припадками. Эту болезнь называют «припадком, болектком» (боль под ложечкой неразлучна с припадком). Причиной её обыкновенно признают «порчу» (колдовство): злой человек, колдун, будто бы сажает в женщину чёрта, который в ней и проказничает. Заболевшая женщина сначала стонет, а потом, то кричит необыкновенно диким голосом, подражая крику разных животных, то визжит пронзительно, рвёт на себе одежду, волосы, бросается на людей, падает в обморок, словом, приходит в совершенное бешенство. Утверждают, что в подобных припадках больная часто говорит на таком языке, (например, якутском), на котором она не только никогда не говорила, но даже не знает ни одного слова и никогда даже не слыхала его. Не берусь объяснить причины таких страшных и странных нервических припадков. — Не происходят ли они от солитёра, которым страдает большая часть нижнеколымских жителей от сырой гнилой рыбы, которую они сильно любят, потому что она «с душком»?<sup>1</sup> Это предположение подтверждается одним случаем. У одного из нижнеколымских священников были собраны корни «конского щавеля», как слабительное средство. Горничная, часто страдавшая сказанными припадками, не зная, что за корни собраны у хозяина её, случайно съела два из них; через несколько часов она подверглась сильным припадкам и мучительным конвульсиям; при этом её прослабило и она избавилась от огромнейшего солитёра. С тех пор она уже не подвергается припадкам. Вопрос об этих припадках заслуживает не только внимания, но и исследования<sup>2</sup>.

Главное занятие нижнеколымцев состоит в рыболовстве. Это для них единственный способ к пропитанию себя и своих собак. Лов рыбы начинается по вскрытии реки Колымы, около «Царя Константина», как они выражаются, т.е. 21 мая; ловятся нельма, омуль, налим и чир, но

---

<sup>1</sup> Доводы эти подтверждает и г. Нейман. — Ред.

<sup>2</sup> Автор смешивает здесь две разные болезни. «Болектком» действительно происходит от солитёра, но «болетку» подвержены не одни женщины, а оба пола. При этой болезни я никогда не видал описанных автором нервных припадков, которыми страдают так называемые «миряки» — «Мирячат» почти исключительно женщины, между тем, как за Байкалом этой странной болезни (*chorea imitatoria* — Кашин) подвержены и мужчины. (Замечание К.К. Неймана. Сравн. путеш. Биллингса и Сарычева). — Ред.

главный промысел составляет сельдь (сеёдка, как говорят колымцы), улов которой продолжается обыкновенно с половины августа до половины сентября. Сельдь добывается миллионами; в изобильный год на один невод сходится от 15 до 60 тысяч; промысел считается плохим, если, на невод не сошлось более 10 тысяч. Кроме рыболовства нижнеколымские жители в летнее время, занимаются ещё ловлей ленной птицы, или, как они говорят, «плавают утковать, гусевать, лебедовать», и собирают ягоды. Хлебопашество, по климатическим условиям, здесь невозможно. Не занимаются и огородничеством, хотя там и могут родиться некоторые овощи — капуста, репа, редька и даже картофель. Только два-три дома имеют скотоводство, и то самое ничтожное, по недостатку покосов и трудности сохранять скот от нападения собак<sup>1</sup>. Несмотря на обильный промысел сельдей и других рыб, редкий год проходит в Нижнеколымске без так называемых голодовок, Существенную причину народных голодовок составляет единственный *кочт* тамошних жителей — собаки. На десять собак требуется в год до 20 тысяч сельдей; у некоторых жителей бывает до тридцати собак. Во время голодовок каждая тысяча сельдей стоит 10 рублей и дороже, на много ли дней доставит её для 10, 20 и 30 собак?

Между тем, собаки составляют всё богатство нижнеколымских жителей. Без собак нижнеколымцу положительно нельзя сделать шага; на них он ездит по тундрам за несколько сот вёрст от своего жилища осматривать свои звериные ловушки, с помощью собак он ловит зверей, вывозит рыбу, дрова и т.п. На собаках нижнеколымец пробирается по таким местам, на которых не только нельзя проехать на оленях; но и трудно пройти пешком; в самую страшную вьюгу с помощью собак он отыскивает жильё или место отдыха: собаки отлично знают дорогу. Если во время сильной вьюги нижнеколымец не может продолжать путь, то он ложится спать на снегу под открытым небом среди собак, которые и согревают его. Лишь только заметит нижнеколымец, что спутники его, собаки зарываются в снег, он спешит к кочевью, в полной уверенности, что его скоро застигнет непогода. С пропажей собак от голо-

---

<sup>1</sup> А ближе всего из лениности. — Прим. К.К. Неймана.

довок положение нижнеколымских жителей бывает самое безвыходное; к ним вполне относятся слова Зороастра: «Род человеческий держится умом собаки»<sup>1</sup>.

Большую услугу во время голодовок оказывают нижнеколымцам чукчи. Лишь только появится у нижнеколымцев недостаток в рыбе, они едут к своим знакомым чукчам и живут у них по несколько дней. Чукчи кормят их и их собак оленьим мясом за самое ничтожное вознаграждение, состоящее из кирпичного чая, черкасского табаку и какой-нибудь железной поделки, а главное, как кажется, за водку, привозимую нижнеколымцами, как контрабанду. За кирпич чаю чукча убивает для русских от 4 до 8 оленей<sup>2</sup>: богатому меньше, а бедному больше. «У богатого, — говорит чукча, — не один кирпич, он всегда может приобрести оленей сколько ему угодно, а бедному как доведётся, ему кирпич чаю достаётся гораздо труднее, чем богатому». Некоторые из чукчей во время голодовок жертвуют оленей для продовольствия тамошних жителей и собак. Так, например, в 1866 г. в Нижнеколымске был большой недостаток в рыбе. Один чукча пожертвовал для тамошних жителей до 130 оленей, хотя в то же время почти безвозмездно кормил всякого приезжающего<sup>3</sup>. Без помощи чукчей от голодовки в 1866 г. (а подобные голодовки в Нижнеколымске очень часты) мало осталось бы в живых не только собак, но и людей. Было время, когда чукчи много делали вреда нижнеколымцам, постоянно грабя и убивая их; теперь они уже не неумолимые враги, а благодетели их, наделяют их пищей и одеждой и избавляют от голодной смерти не только их, но и единственных помощников их — собак. К сожалению, нижнеколымцы нередко поступают с чукчами очень бессовестно. Понадобилось нижнеколымцу мясо, он берёт топор или какую-нибудь железную поделку и едет, по обыкновению, к своему знакомому чукче, который и убивает для него известное количество оленей. Русский, отправляясь домой, непременно постарается украсть привезённую им вещь и с неё же едет к другому знакомому чукче. Здесь он опять кормится несколько дней даром и снова получает оленей за ту же вещь. Нижнеколымцы считают подобные выходки удальством и готовы

---

<sup>1</sup> Г. Нейман говорит, что были случаи, когда женщины своей грудью кормили щенят околевшей собаки хорошей породы. В статье своей «О торговле Якутского края», г. Нейман подробно говорит о том зле, который приносят краю собаки. — Ред.

<sup>2</sup> Впрочем, по словам г. Неймана, чукчи уже стали смыслёнее и расчётливее.

<sup>3</sup> Амраургин, глава чукчей, пожертвовал тогда 700 голов оленей. — Примеч. г. Неймана.

повторять их на каждом шагу. Чукча, если заметит лично или положительно удостоверится через домашних своих, что потерявшаяся вещь украдена тем самым русским, которым привезена, то в следующий приезд русского только выскажет ему шутками о его поступке, желая сконфузить и предупредить его на будущее время, но нижнеколымец постарается оправдать себя, да ещё поругает чукчу за оскорбление, а потом сам же и на мировую, чтобы не потерять в чукче друга и благодетеля.

В Нижнеколымске все привозные товары чрезвычайно дороги. Пуд крупчатки 3 сорта стоит 12 р., пуд пшеницы 6-8 р., фунт чаю и два фунта сахару (т.н. пара) 4 р., кирпич кирпичного чаю 2-3 р., пуд жировых свеч 20-35 р.; дюжина чайных чашек 12-15 р.; фунт черкасского табаку от 1 р. до 1 р. 50 коп. Купцы, которые привозят эти товары в Нижнеколымск из Якутска, оправдывают такую дороговизну трудностью доставки, по отдалённости Нижнеколымска от Якутска и неудобству пути. Жители, хотя и сознают эту причину, но уверены, что цены от неё не могут ещё возвышаться до такой степени. По их мнению, купцы, приезжая в Нижнеколымск только раз в год, запрашивают такие цены, какие им вздумается, в полной уверенности, что нижнеколымец поневоле купит у них необходимое и. по этим ценам: взять более неоткуда. Кто из них прав в этом случае, покупатель или продавец, мы умолчим. Дóма два-три нижнеколымцев пытались выписывать необходимое для себя из Якутска, в надежде, что это будет стоить дешевле; но они выписывали через тех же купцов, которые и ставили им те же цены, по каким продают сами.

#### ОСОБОЕ ПРИМЕЧАНИЕ:

Сильный народ омоки жил преимущественно по рекам Колыме, Яне, Индигирке и Анадырю, а отчасти по берегам Большого и Малого Анюя, впадающих в Колыму; но более ста лет тому назад омоки, боясь оспы, истребившей бóльшую часть их, удалились, по словам юкагиров, на острова Ледовитого моря около Яны и Индигирки. Нынешние юкагиры омокского племени и живут по тем же рекам, по каким селились омоки.

Юкагиры по наружности сходны с якутами; нрав и некоторые обычаи их тунгусские, а образ жизни совершенно русский, все они православного вероисповедания. Юкагиры имели прежде свой природный язык, не похожий ни на якутский, ни на тунгусский, но в настоящее

время позабыли его и говорят по-русски<sup>1</sup>. Юкагиры занимаются рыбной и звериной ловлей, чем и доставляют себе пропитание. Из выделанных оленьих шкур (ровдуг) шьют себе верхнюю одежду и обувь, а продажей ровдуг приобретают всё необходимое в домашнем быту. Главная забота юкагира — добыть в осеннее время оленей в количестве, необходимом для пропитания семейства и собак в продолжении года. Большую часть времени года юкагиры проводят в праздности; они или сидят дома, покуривая трубку и играя на балалайке, или гостят. Зимой юкагиры ездят в нартах на собаках.

Чуванцы ныне все православные; у них, так же, как и у чукчей, и вообще жителей севера, есть деревянные святцы, вроде аршина, на которых наставлены знаки (кресты, точки и чёрточки) изображающие годовые праздники; по этим святцам они узнают, когда и какие бывают праздники. Чуванцы, не имеющие оленей, занимают берега рек Анадыря и Малого Анюя, а оленные живут у чукчей на их содержании. По бедности, они не могут платить на содержание, а поэтому наблюдают за чукотскими оленями и занимаются обучением их к санной езде. Из 10 обученных оленей, чукча берёт себе только 4, а 6 отдаёт чуванцу за обучение; от такого щедрого вознаграждения со стороны чукчей, чуванцы, пожив у чукчей годов 5-6, делаются богатыми. Чуванцы платят ясак русскому правительству. Прежде у чувайцев был свой особый язык, но ныне от него остались только некоторые слова. Говорят же чуванцы по-русски, чукотски и корякски. Домашний быт чуванцев безоленных сходен с русским, а живущих у чукчей — с чукотским.

---

Статья опубликована в «Известиях Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества», т. III, 1872 г. № 3.

OCR Андрей Дуглас, 2023 г.

---

<sup>1</sup> Чукотская экспедиция нашла ещё одного старика, знающего свой язык.